

«Неполиткорректное описание эпохи Крестовых походов». CHRISTIAN CENTURY

РОДНИ СТАРК

БОЖЬЕ ВОИНСТВО

НОВАЯ ИСТОРИЯ
КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Неудобное прошлое христианства, позор жестоких и алчных
европейских колонизаторов или священная война за Святую
землю в ответ на исламские угрозы и провокации?

История Средневековья

Родни Старк

**Божье воинство. Новая
история Крестовых походов**

«ЭКСМО»

2009

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4

Старк Р.

Божье воинство. Новая история Крестовых походов / Р. Старк —
«Эксмо», 2009 — (История Средневековья)

ISBN 978-5-04-173167-0

Сегодня принято считать, что Крестовые походы стали одной из позорных и страшных страниц христианской истории и стоят в одном ряду с охотой на ведьм в Средние века и сотрудничеством Церкви с нацистами в годы Второй мировой войны. Часто можно слышать, что во время Крестовых походов захватнический, империалистический христианский мир резал, грабил и колонизировал толерантных и мирных мусульман, под предлогом борьбы за Святую Землю крестоносцы шли за землями и золотом и насильственно обращали в свою веру. Так ли было на самом деле? Что собой представляли Крестовые походы? Почему сегодня им чаще всего дают именно такую оценку? В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-04-173167-0

© Старк Р., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Введение	6
Глава первая	12
Завоевания	14
Война по-мусульмански	22
Управление	24
Покоренные страны	25
Обращение в ислам	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

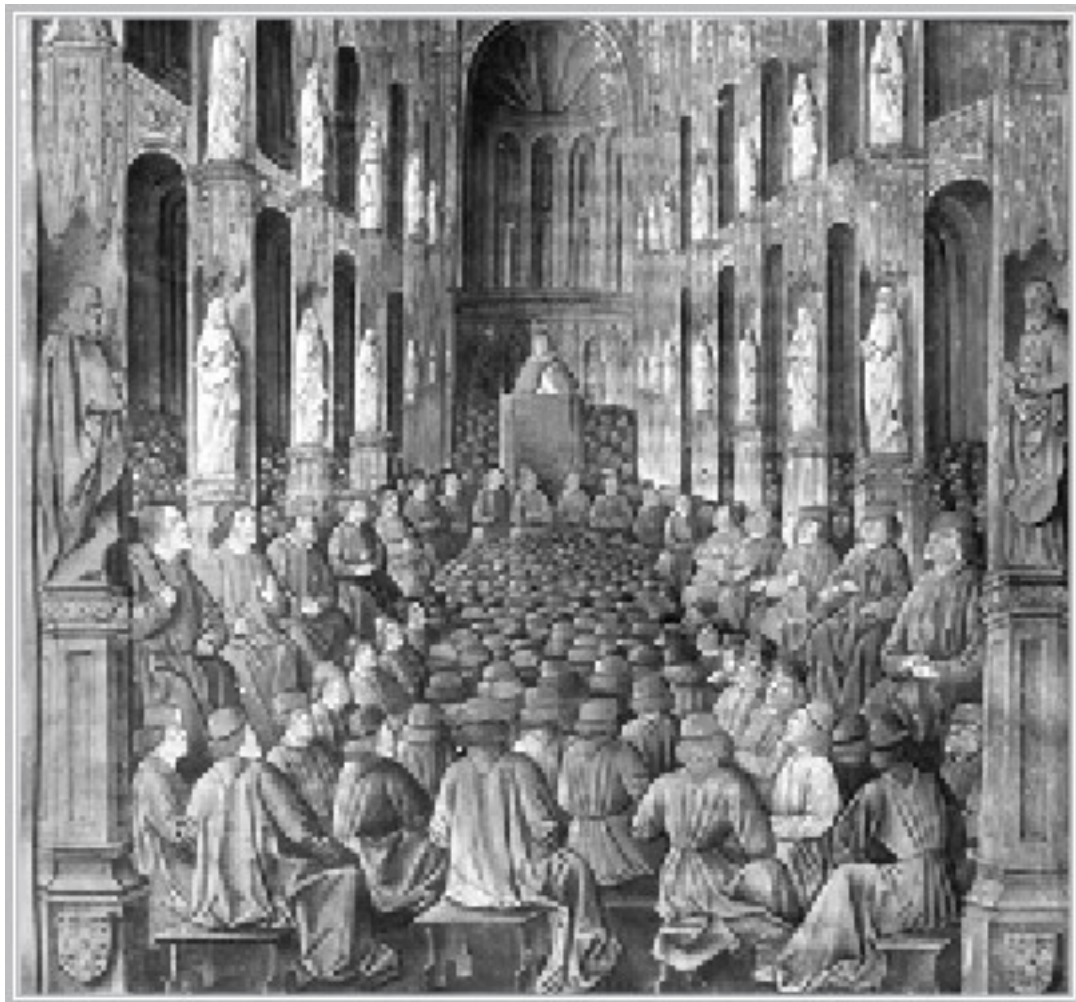
Родни Старк
Божье воинство: новая
история Крестовых походов

© Холмогорова Н.Л., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Введение

Алчные варвары в доспехах?

Папа Урбан II на соборе в Клермоне призывает епископов и клириков помочь ему в проповеди крестового похода. На следующий день он сам проповедовал крестовый поход огромной толпе, собравшейся на лугу

27 ноября 1095 года папа римский Урбан II поднялся на помост, устроенный на лугу близ стен французского города Клермон, и окинул взглядом огромную толпу, окружившую помост со всех сторон. Энергичный мужчина пятидесяти трех лет, Урбан был наделен необычайно мощным и выразительным голосом, слышным даже на большом расстоянии. На этом прославленном собрании, обратившись ко множеству собравшихся людей, от бедных крестьян до знати и клира, папа произнес речь, которая изменила ход истории.

Урбан созвал церковный собор в ответ на послание византийского императора Алексея Комнина, доставленное из воюющего Константинополя. Обращаясь к графу Фландрскому, император просил его и всех его собратьев-христиан прийти на помощь византийцам против турок-сельджуков, недавно обратившихся в ислам, которые наводнили Ближний Восток, захватили Иерусалим и стояли уже менее чем в сотне миль от Константинополя. В письме император подробно рассказывал о зверских пытках, которым подвергались христианские паломники, направлявшиеся в Святую Землю, о бесстыдном осквернении церквей, алтарей и купелей.

Если турки захватят Константинополь, продолжал он, то не только убьют, изнасилуют, замучают еще тысячи христиан; будут утрачены «священнейшие реликвии Спасителя», собранные в этом городе на протяжении веков. «Итак, во имя Бога... молим вас прислать в город сей всех верных воинов Христовых... если вы поможете нам, получите награду на небесах, а если не поможете – Бог вас осудит» ¹.

У европейцев было немало причин игнорировать просьбы о помощи, исходящие из Византии. Для начала, и свою культуру, и свое христианство Европа унаследовала от Рима – а византийцы были греками; их образ жизни в Европе считался упадочническим, а тамошние «православные» христиане презирали католиков-латинян, нередко даже преследовали католических священников и верующих. Однако, прочтя это письмо, папа Урбан II твердо вознамерился ответить на него достойными деяниями – и собрал в Клермоне церковный собор, за которым последовало его знаменитое выступление ².

Свою речь, произнесенную по-французски, папа начал детальным описанием пыток, изнасилований и убийств христианских паломников, осквернения церквей и святых мест, совершаемого турками (он называл их «персиянами»): «Они разрушают алтари, сперва замазав их своими нечистотами. Они обрезают христиан и кровь их обрезания льют на алтари или в крещальные купели. Когда хотят они замучить человека насмерть, то протыкают ему пупок, извлекают оттуда внутренности и прибивают к столбу, а затем, нахлестывая кнутом, водят его вокруг столба, пока кишки не размотаются, и жертва не упадет замертво... А что сказать об отвратительном насилии над женщинами? О таком лучше молчать, чем говорить. На ком же лежит долг отомстить за эти злодеяния и возвратить захваченную землю [христианам], как не на вас?» ³

Здесь папа Урбан перешел к следующей проблеме, решению которой он и его блистательный предшественник папа Григорий VII посвятили годы неустанныго труда – к нескончаемым средневековым войнам. Папы старались водворить «Божий мир» среди феодальной знати, в которой многие, кажется, готовы были воевать даже с друзьями – лишь бы хорошенько подраться. В конце концов, именно этому их учили с раннего детства. И что за случай им теперь представился! «Христианские воины, вечно и тщеславно ищущие повода для войны – возрадуйтесь, ибо теперь вам открылся основательный повод... Если вас победят – вы найдете славную смерть в том самом месте, где умер Иисус Христос, и Бог не забудет, что обрел вас в Своем святом воинстве... Воины ада, станьте воинами Бога Живого!» ⁴

По толпе начали распространяться крики: «Dieu li volt!» («Так хочет Бог!»). Многие срывали с себя плащи или другие куски ткани, вырезали из них кресты и нашивали на грудь. Все согласились на следующий год отправиться походом в Святую Землю. И так и сделали.

Таков традиционный рассказ о том, как и почему начался Первый крестовый поход. Но в наше время популярно куда более циничное и зловещее объяснение крестовых походов. Так, после уничтожения исламскими террористами Всемирного торгового центра часто можно было услышать, что именно в крестовых походах лежат корни ярости мусульман. Утверждалось, что их озлобление на жестокое обращение, которому они подверглись со стороны христианского Запада, восходит к времени Первого крестового похода. Крестоносцы, мотивация которых была далека от благочестия и от желания защитить паломников и иерусалимские свя-

¹ Payne 1984, 28–29.

² Существуют четыре версии папской речи: все были записаны по памяти несколько лет спустя. Они серьезно различаются, но имеются и значительные пересечения. Кроме того, существует несколько переводов этой речи на английский, и в них также имеются расхождения.

³ Версия Роберта Реймского; опубликовано в Peters 1998, 27.

⁴ Цит. в Michaud, 1855, 51.

тины, написали первую – и на редкость кровавую – главу в историю безжалостного европейского колониализма ⁵.

Если конкретнее, нам рассказывают, что крестоносцы шли на Восток не из идеализма, а из жажды земель и богатой добычи; что крестовые походы организовали обезумевшие от властолюбия папы с целью расширить христианский мир за счет массовых обращений мусульман ⁶; что европейские рыцари были варварами, жестокими по отношению ко всему, что встречали на своем пути, оставлявшими «просвещенную исламскую культуру... в руинах» ⁷. Как утверждает Акбар Ахмед, глава кафедры исламских исследований Вашингтонского университета: «Крестовые походы создали историческую память, которая с нами по сей день, – это память о долгом натиске европейцев» ⁸.

Через два месяца после атаки на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года тогдашний президент Билл Клинтон объявил в своей речи в Джорджтаунском университете, что «те из нас, кто ведут свое происхождение из Европы, не невинны» – с учетом крестовых походов, представлявших собой преступление против ислама; и затем вкратце пересказал средневековые сообщения о крови, пролитой Готфридом Бульонским и его войсками при взятии Иерусалима в 1099 году.

То, что крестовые походы были ужасным преступлением и должны быть искуплены – популярная тема, вошедшая в обиход еще до того, как исламские террористы врезались в небоскребы на угнанных самолетах. В 1999 году «Нью-Йорк Таймс» торжественно заявила, что крестовые походы сопоставимы со зверствами Гитлера и этническими чистками в Косово ⁹. В том же году, отмечая девятисотлетнюю годовщину Первого крестового похода, сотни благочестивых протестантов приняли участие в «походе примирения», начатом в Германии и оконченом в Святой Земле. Участники шли в футболках с надписью на арабском языке «Прошу прощения». В их официальном заявлении говорилось о необходимости извинений для христиан:

Девятьсот лет назад наши предки во имя Иисуса Христа развязали войну на Ближнем Востоке. Воспламененные страхом, алчностью и ненавистью... крестоносцы подняли над вашим народом знамя Креста... В годовщину Первого крестового похода... мы хотим пройти по следам крестоносцев, чтобы принести извинения за их деяния... Мы глубоко сожалеем о зверствах, совершенных во имя Христа нашими предшественниками. Мы отвергаем алчность, ненависть и страх и осуждаем любое насилие, совершенное во имя Иисуса Христа ¹⁰.

В том же 1999 году Карен Армстронг, бывшая монахиня и популярная писательница на религиозные темы, заявила, что «крестовый поход отвечал глубокой внутренней потребности европейских христиан. Однако в наше время большинство из нас без колебаний осудит крестоносцев и назовет их нехристианами. В конце концов, Иисус повелел своим последователям любить врагов, а не уничтожать. Он был пацифистом и, пожалуй, имел больше общего с Ганди, чем, например, с папой Урбаном». Далее она писала, что «священная война – в сущности, дело вполне христианское», поскольку в христианстве, «несмотря на пацифизм Иисуса, всегда ощущалась склонность к насилию» ¹¹. Согласившись с этим, известный экс-священник Джеймс

⁵ Armstrong [1991], 2001; Prawer, 1972.

⁶ Ekelund et al., 1996.

⁷ Цит. по Madden, 2002a.

⁸ Цит. в Curry, 2002, 36.

⁹ June 20, 1999, sec. 4, p. 15.

¹⁰ Ontario Consultants on Religious Tolerance, www.religioustolerance.org/chr_cru1.htm.

¹¹ Armstrong [1999], 2001, 4.

Кэррол добавил, что крестоносцы «оставили шрамы насилия, до сих пор не изглаженные ни с земли, ни из человеческой памяти»¹².

Эти обвинения не новы. Осуждение крестовых походов широко распространилось на Западе в эпоху Просвещения, совершенно не соответствующую своему названию, когда французские и британские интеллектуалы изобрели «Темные века», дабы прославить себя и очернить Католическую Церковь (см. гл. 3). Тогда Вольтер (1694–1778) называл крестовые походы «эпидемией ярости, продлившейся двести лет и отмеченной всеми жестокостями, всеми вероломствами, всеми бесстыдствами и безумствами, на какие способна человеческая природа»¹³. Согласно Дэвиду Юму (1711–1776), крестовые походы стали «самым выдающимся и самым долговечным памятником человеческой глупости всех времен и народов»¹⁴. Дени Дидро (1713–1784) характеризовал крестовые походы как «эпоху глубочайшего мрака и величайшего безумия... натравить значительную часть мира на злосчастную маленькую страну с тем, чтобы перерезать глотки ее обитателям и захватить каменистые горы, не стоящие и одной капли крови»¹⁵. Эти обличения только подкрепляли широко распространенное «протестантское убеждение, что крестовые походы были лишь еще одним выражением католического фанатизма и жестокости»¹⁶. Так, английский историк Томас Фуллер (1608–1661) писал, что крестовые походы были организованы папами, и что эта «война стала позором христианского мира», поскольку христиане пытались лишить мусульман их законных палестинских владений¹⁷.

Но первым мысль, что крестоносцы были ранними европейскими империалистами, использовавшими религию как предлог для захвата и грабежа чужих земель, по-видимому, высказал немецкий лютеранский церковный историк Иоганн Лоренц фон Мосхейм (1693–1755), писавший: «Римские понтифики и европейские князья приняли участие в первом из этих крестовых походов лишь из суеверия, но со временем, обнаружив по опыту, что эти священные войны весьма способствуют увеличению их богатств и расширению власти... [тогда] в дело вступили властолюбие и алчность и усилили диктат фанатизма и суеверия»¹⁸. Взглядам Мосхейма вторит Эдвард Гиббон (1737–1794), утверждавший, что на самом деле крестоносцы стремились к «сокровищницам Востока, к золоту и бриллиантам, к мраморным и яшмовым дворцам, к пещерам, благоухающим миррой и фимиамом»¹⁹.

В течение двадцатого века этот тезис о материальных интересах развился в целую «материалистическую» теорию о том, почему вообще происходили крестовые походы²⁰. Плодовитый автор Джордж Барракло (1908–1984) писал: «Вот наш вердикт о крестовых походах: они были [проявлением] колониальной эксплуатации»²¹. Или, по формулировке Карен Армстронг, «это были наши первые колонии»²². Более подробное и сложное объяснение, зачем рыцари отправились на восток, сформулировал Ханс Эберхард Майер, предположивший, что крестовые походы облегчили тяжелые финансовые обстоятельства «рыцарского класса» Европы. Согласно Майеру и его единомышленникам, в это время постоянно и значительно росло число «лишних» сыновей, — тех членов благородных семейств, которые не наследовали отцовского

¹² Carroll, 2004, 5.

¹³ Цит. в Richard, 1999, 475.

¹⁴ Hume, 1761, 1:209.

¹⁵ Цит. в Richard, 1999, 475.

¹⁶ Riley-Smith, 2003, 154.

¹⁷ Цит. в Saunders, 1962, 11.

¹⁸ Цит. в Saunders, 1962, 11–12.

¹⁹ Gibbon [1776–1788], 1994, bk. 6, chap. 58.

²⁰ Duby, 1977; France, 1997; Mayer, 1972.

²¹ B Riley-Smith, 2003, 159.

²² Armstrong [1991], 2001, xii.

имущества: его наследникам становилось все труднее прокормить их. Таким образом, как пишет Майер, «крестовый поход стал для рыцарского класса своего рода предохранительным клапаном... этот класс смотрел на крестовый поход как на способ решить свои материальные проблемы»²³. Недавно группа американских экономистов выдвинула теорию, что крестоносцы надеялись обогатиться от потока паломников (здесь авторы сравнивают иерусалимские святыни с современными парками развлечений) и что папа отправил крестоносцев на восток в поисках «новых рынков» для церкви, которые надеялся создать, обращая в христианство мусульман²⁴. После этого неудивительно, что ведущий вузовский учебник по истории западной цивилизации сообщает студентам: «С точки зрения папы и европейских монархов, крестовые походы предлагали способ избавить Европу от беспокойной знатной молодежи... [которая] увидела здесь возможность приобрести новые земли, богатства, статус, возможно, титулы и даже спасение души»²⁵.

Подытожим все, что слышали: во время крестовых походов захватнический, империалистический христианский мир резал, грабил и колонизировал толерантных и мирных мусульман.

На самом деле это было не так. Как мы увидим далее, крестовым походам предшествовали исламские провокации: столетия кровавых попыток колонизировать Запад, а затем – внезапные новые атаки на паломников и на христианские святыни. Хотя крестовые походы начались с воззвания папы, они не имели ничего общего с желанием обращать мусульман в христианство. Крестовые походы организовывали и возглавляли не «лишние сыновья», а главы знатнейших родов, прекрасно понимавшие, что цена крестового похода может многократно превысить довольно скромное материальное вознаграждение, которого можно было бы ожидать; большинство из них шло на огромные личные жертвы, некоторые даже сознательно разорялись, чтобы выполнить эту задачу. Более того, государства крестоносцев, созданные в Святой Земле и выстоявшие там почти два столетия, не были колониями, основанными на эксплуатации местных ресурсов – скорее, они требовали огромных субсидий из Европы.

Помимо всего прочего, крайне неразумно применять к средневековым войнам современные понятия о том, как надо вести войну; и христиане, и мусульмане тех времен воевали по иным правилам. К сожалению, даже среди самых разумных и сочувствующих крестовым походам историков многие не способны принять этот факт и впадают в неистовство от одной мысли, что война может быть «справедливой», демонстрируя пацифизм, столь распространенный в наше время в академических кругах. Наконец заявления, что мусульмане уже тысячу лет держат на нас обиду за крестовые походы – полная ерунда: претензии по поводу крестовых походов мусульмане начали высказывать лишь около 1900 года, в виде реакции на упадок Османской империи и европейскую колониальную политику на Ближнем Востоке. А сильной враждебность по отношению к крестовым походам стала лишь после основания государства Израиль. Об этом мы подробно расскажем в следующих главах.

Историки расходятся во мнениях, что именно считать крестовыми походами и, соответственно, когда эти события происходили²⁶. Я исключаю из рассмотрения «крестовые походы» против европейских еретиков и принимаю условное определение: крестовые походы включали в себя конфликты между христианским и исламским миром за контроль над Святой Землей, военные кампании в период с 1095 по 1291 годы. Однако, в отличие от большинства признанных историков крестовых походов, я начну не с папского призыва в Клермоне, а с распространения ислама и с постоянных мусульманских вторжений на христианские территории. Вот

²³ Mayer, 1972, 22–25.

²⁴ Ekelund et al., 1996. Это одна из самых пустых и бессмысленных попыток применить экономические принципы по аналогии, какую я только встречал.

²⁵ Spielvogel, 2000, 259.

²⁶ См. Tyerman, 1998.

когда все началось – в VII веке, когда исламские армии захватили значительную часть христианских земель: Ближний Восток, Египет и всю Северную Африку, затем Испанию и Южную Италию, а также многие крупные острова Средиземноморья, в том числе Сицилию, Корсику, Кипр, Родос, Крит, Мальту и Сардинию. Важно рассмотреть и христианские контрнаступления, которые начались в VIII веке и вскоре «освободили» многие захваченные территории. Именно таковы были предвестия военных столкновений в Святой Земле. Не стану я и просто перечислять битвы крестоносцев: они понятны лишь в свете более высокой материальной культуры и техники, позволившей европейским рыцарям пройти двадцать пять сотен миль, перенести по дороге множество потерь и затем разгромить мусульманские силы, намного превышавшие их численностью.

Многие превосходные историки посвятили изучению тех или иных сторон крестовых походов всю свою научную карьеру ²⁷. Я – не один из них. Моя задача – объединить результаты труда этих специалистов и представить их в виде полной картины, описав языком, доступным массовому читателю. Однако я внимательно следил за тем, чтобы воздать должное всем специалистам, труды которых использовал: некоторых упоминаю прямо в тексте, остальных – в концевых сносках.

²⁷ Одно их перечисление заняло бы целую страницу. Некоторых я упоминаю в тексте, остальные будут указаны в концевых сносках.

Глава первая Исламские захватчики

История крестовых походов восходит к VII веку, когда полчища арабов, недавно обращенных в ислам, ринулись на христианские территории

В своей прощальной речи – насколько она дошла до нас – Мухаммед дал сторонникам такое наставление: «Мне было приказано сражаться со всеми, пока не скажут они: «Нет бога, кроме Аллаха»²⁸. Это вполне согласуется с Кораном (9:5): «Убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их [в плен], осаждайте их и устраивайте им любую засаду». Исполненные этого духа, преемники Мухаммеда отправились завоевывать мир.

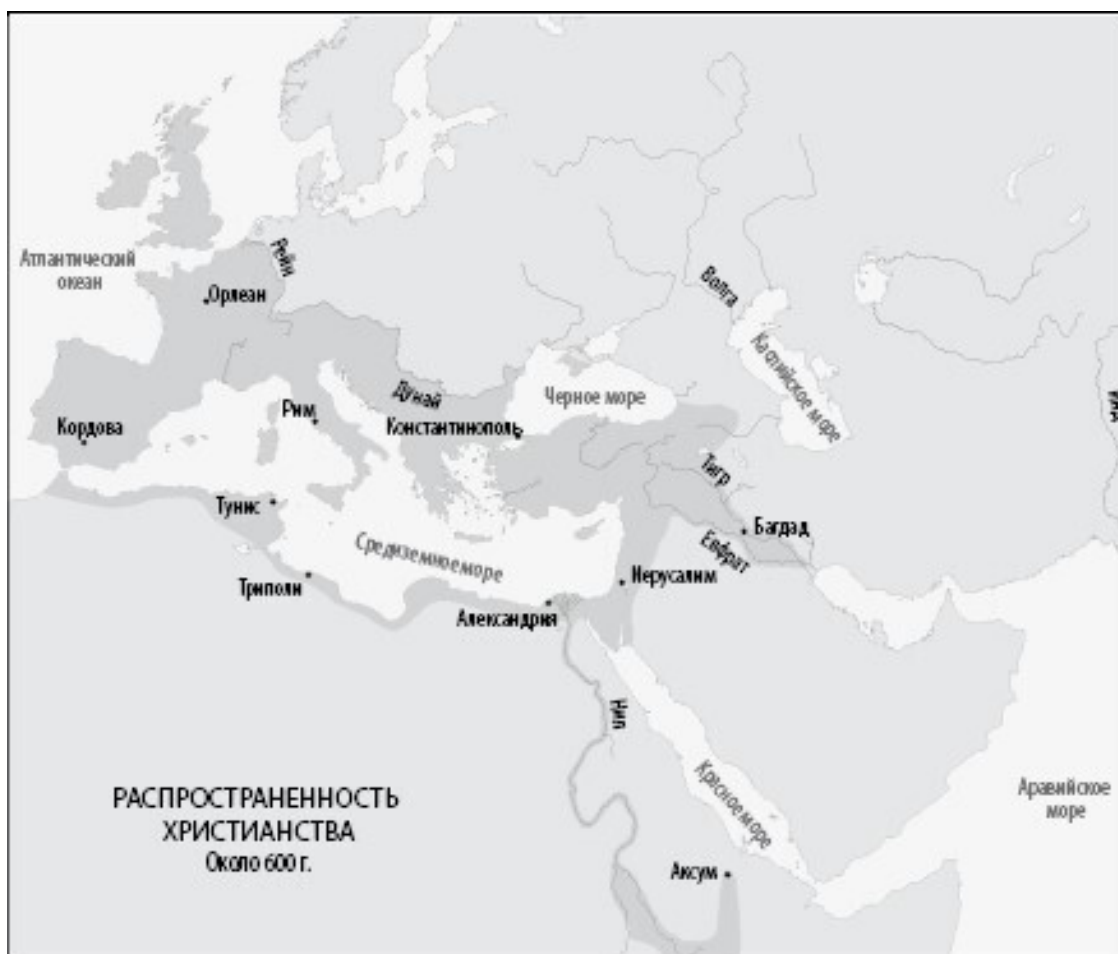
В 570 году – в год рождения Мухаммеда – христианский мир включал в себя Ближний Восток, всю Северную Африку и значительную часть Европы (см. карту 1.1). Но всего через восемьдесят лет после смерти Мухаммеда в 632 году новая мусульманская империя вытеснила христиан из большей части Ближнего Востока, из всей Северной Африки, с Кипра и из большей части Испании (см. карту 1.2).

²⁸ Цит. в Karsh, 2007, 4.

В следующем столетии под власть мусульман подпали Сицилия, Сардиния, Корсика, Крит и Южная Италия. Как это произошло? Как управлялись завоеванные общества? Что случилось с миллионами живших там христиан и иудеев?

Завоевания

При жизни Мухаммед собрал достаточно военной силы, чтобы задуматься о завоеваниях за пределами Аравии. Военные экспедиции в чужие страны стали особенно привлекательны, поскольку объединение бедуинских племен в единое арабское государство, осуществленное Мухаммедом, положило конец давней традиции бедуинов облагать данью арабские города и селения, а также свободе грабить караваны. Так что внимание арабов обратилось на север и восток, где «ждали несметные сокровища, и воины могли обрести славу и богатую добычу, не рискуя миром и внутренней безопасностью Аравии»²⁹. Рейды воинов Мухаммеда в Византийскую Сирию и Персию начались еще в последние годы жизни Пророка, а вскоре после его смерти переросли в серьезные войны.

Карта 1.1: Территории, населенные христианами, около 600 г. н. э.

Как правило, большинство историков дает воинственности ранних мусульман вполне светские, материалистические объяснения. Так, знаменитый Карл Генрих Беккер (1876–1933) писал, что «выход арабов за пределы их родного полуострова... [объяснялся] исключительно экономической необходимостью»³⁰. А именно: говорят, что внезапно начать ряд захватнических войн арабов побудили, главным образом, демографический взрыв в Аравии и резкий упа-

²⁹ Rodinson, 1980, 273.

³⁰ Becker [1909], 2006, 2.

док караванной торговли. Однако демографического взрыва попросту не было: его изобрели авторы, считавшие, что для победы над цивилизованными византийцами и персами требовались бесчисленные «арабские орды»³¹. На самом деле все обстояло наоборот. Как мы увидим далее, мусульманские вторжения совершали на удивление небольшие, но очень хорошо организованные и управляемые армии. Что же касается караванной торговли, на ранней стадии существования Арабского государства она могла только вырасти, поскольку караванам ничто больше не угрожало.

Карта 1.2: Территории, населенные мусульманами, около 800 г. н. э.

Основная причина, по которой арабы именно в это время напали на своих соседей, заключалась в том, что у них наконец появилась такая возможность. Прежде всего и Византия, и Персия были истощены десятилетиями войн друг с другом – войн, в которых обе стороны неоднократно наносили друг другу кровавые поражения. Не менее важно и то, что, превратившись из сборища независимых племен в единое государство, арабы теперь могли не ограничиваться разбойничьими набегами, как в предшествующие века, а вести полномасштабные военные кампании. Что же до более конкретных мотивов, Мухаммед видел в постоянной экспансии средство поддержания единства арабов: пустынным племенам она давала новые возможности – в виде новой добычи и дани. Но важнее всего было вот что: арабские завоевания планировали и проводили люди, воодушевленные идеей распространения ислама. Как подытоживает

³¹ Becker, 1926a, 329.

Хью Кеннеди, мусульмане «сражались за свою веру, в надежде на военную добычу и потому, что вместе с ними сражались их друзья и соплеменники»³².

Все наши попытки реконструировать мусульманские завоевания ограничены ненадежностью источников. Как объясняет авторитетный специалист Фред Доннер, ранние мусульманские хронисты «собирали фрагментарные сообщения, каждый по-своему, отчего у них получилось несколько противоречащих друг другу последовательностей событий» – и невозможно определить, какая из них более точна³³. Более того, как христианские, так и мусульманские хронисты склонны до нелепости преувеличивать численность армий: часто количество воинов раздувается в десять раз и более. По счастью, скрупулезная работа нескольких поколений ученых предоставляет нам более правдоподобную статистику и адекватный общий взгляд на крупные военные кампании. Вот краткий обзор мусульманских завоеваний – разумеется, лишь тех, что состоялись до Первого крестового похода.

Сирия

Первой покоренной страной стала Сирия, в то время провинция Византии (Восточной Римской империи). Сирия представляла много соблазнов для завоевателей. Это была не только близко расположенная, но и самая знакомая из чужеземных стран. Арабские купцы постоянно имели дело с сирийскими; некоторые из них приезжали на традиционные ярмарки в Мекке, проводившиеся из поколения в поколение. Кроме того, Сирия была куда плодороднее Аравии, гордилась более крупными и впечатляющими городами, прежде всего Дамаском. Сирия также представляла собой удобную мишень из-за политической нестабильности и немалого числа групп населения, в той или иной мере недовольных. После нескольких столетий византийского правления в 611 году Сирия подпала под власть персов, но около 630 года (за два года до смерти Мухаммеда) была отвоевана Византией. Во время своего правления персы разрушили институты, на которых основывалось византийское управление, и когда персов изгнали, возник вакуум власти. Более того, в течение нескольких столетий арабы переселялись в Сирию и давно уже составляли основной источник рекрутов для здешних византийских войск. К тому же некоторые приграничные арабские племена давно уже служили здесь наемниками, охраняя сирийцев от набегов своих соплеменников с юга. Однако, когда Византия восстановила контроль над Сирией, император Ираклий, обремененный непомерными долгами, отказался восстановить субсидии этим приграничным племенам – и, таким образом, в важный стратегический момент лишился их помощи³⁴. Многие арабские обитатели Сирии также не питали особой любви к византийским правителям. Так что когда в страну вторглись арабы-мусульмане, многие арабы-защитники во время сражений переходили на их сторону. Хуже того, даже среди неарабского населения Сирии «царила такая ненависть к византийскому правлению, что арабов встречали как освободителей»³⁵. И никто не ненавидел и не боялся греков больше, чем многие крупные христианские сообщества, например несториане, которых православные византийские епископы преследовали как еретиков.

Первые мусульманские силы вошли в Сирию в 633 году и без серьезных столкновений с византийскими войсками заняли ее южную часть. Вторая фаза началась на следующий год и встретила с более решительным сопротивлением, однако мусульмане, выиграв серию битв, в 635 году взяли Дамаск и некоторые другие города. Такова была предыстория эпической битвы при Ярмуке, состоявшейся в августе 636 года и длившейся шесть дней. Обе стороны,

³² Kennedy, 2001, 6.

³³ Donner, 1981, 221.

³⁴ Glubb [1963], 1995, 125.

³⁵ Becker, 1926a, 345.

по-видимому, были примерно равны по численности, что сыграло на руку мусульманам: они заняли защитную позицию и вынудили греков атаковать. Наконец византийской тяжелой коннице удалось прорвать первую линию арабов, однако воспользоваться своей удачей они не смогли: мусульмане отступили за импровизированное «заграждение» из рядов стреноженных верблюдов. Напав на этот новый оборонительный рубеж, византийцы оставили свои фланги открытыми для убийственной атаки мусульманской кавалерии. Тут греческая пехота взбунтовалась, запаниковала и обратилась в бегство по узкой долине, где многие и нашли свою смерть. Силы византийской армии были подорваны, и вскоре она оставила Сирию ³⁶. Вскоре мусульманский халиф (слово «халиф» означает «наследник», а титул «халиф» – «наследник Мухаммеда») объявил Дамаск столицей растущей исламской империи.

Персия

Тем временем другие арабские силы вторглись в персидскую Месопотамию, ныне носящую название Ирак. У персов, как и у византийцев, имелась проблема с ненадежными арабскими войсками: в нескольких ключевых битвах целые отряды персидской кавалерии, состоящие исключительно из арабских наемников, переходили на сторону мусульман. Закончилось все полным разгромом персов в битве при Кадисии в 636 году.

Персидская армия, по-видимому, достигала численности в тридцать тысяч и включала в себя боевых слонов. Мусульманские силы были меньше числом и не так хорошо вооружены, однако обладали заметным позиционным преимуществом: с фронта перед ними протекал рукав Евфрата, слева было озеро, справа болото. Позади простиралась пустыня. В первый день схватки носили пробный характер; попытка персов получить преимущество с помощью боевых слонов была отражена арабскими лучниками. Примерно так же прошел и второй день. На третий день персы пошли в мощную лобовую атаку, пустив слонов вперед. Снова их встретил дождь стрел, и два ведущих слона были ранены. В результате они бросились бежать, наткнувшись на других слонов, те последовали за ними, и все стадо устремилось назад через ряды персидского войска. Начался хаос; в дело вступила арабская кавалерия, и битва была выиграна – с огромными потерями со стороны персов ³⁷.

В дальнейшем после недолгой осады мусульмане взяли столицу Персии Ктесифон. Так они покорили территорию, ныне составляющую Ирак, а Персия сжалась до того, что мы сейчас называем Ираном. Вскоре и Иран был завоеван мусульманами, однако не без яростного сопротивления, и весь следующий век персы не прекращали восставать против исламской власти. Когда Персия была в достаточной степени усмирена, халиф аль-Мансур перенес столицу мусульманской империи из Дамаска в новый город, который построил на реке Тигр в Ираке. Официально он назывался Мадина-ас-Салам («Город мира»), но все называли его Багдад («Дар Божий»).

Завоевав Персию, мусульманские силы двинулись на север, где покорили Армению, и на восток, где в конечном итоге заняли долину Инда (нынешний Пакистан). С этой платформы мусульмане в течение многих столетий продвигались вглубь Индии.

Святая Земля

Палестина была частью Византийской Сирии, и после сокрушительного поражения греческих сил в битве при Ярмуке Святая Земля осталась под защитой лишь местных гарнизонов.

³⁶ Jandora, 1990, 1986.

³⁷ Jandora, 1990.

В этот период, хотя управляли Палестиной греки-христиане, население ее было в основном еврейским. По-видимому, победы мусульман над Византией были поняты некоторыми евреями как знак скорого прихода Мессии; возможно, этим объясняются сообщения, что евреи приветствовали мусульманских захватчиков ³⁸. Мусульманские отряды вторглись в Палестину в 636 году, и в 638 году, после долгой осады, Иерусалим покорился халифу Омару, который въехал в город на прекрасном коне, ведя за собой верблюда. Омар разрешил византийцам-христианам продолжать жить в Иерусалиме, но запретил это евреям ³⁹, тем самым продолжив политику, проводимую на протяжении столетий византийскими властями ⁴⁰. Впрочем, через несколько лет этот запрет был с евреев снят.

Egyptem

Египет также был провинцией Византии, так что поражения, понесенные греческими силами на северо-востоке, подорвали и его обороноспособность. В 639 году халиф Омар отправил в район дельты Нила отряд численностью около четырех тысяч человек. В ответ византийские силы обороны укрылись за стенами городов, непреодолимыми для скромных сил противника. Так что в 640 году в Египет прибыло мусульманское подкрепление численностью около двенадцати тысяч человек, и два отряда расположились в Гелиополе. Напасть на мусульманские войска, когда они были еще разделены, византийцам не удалось, так что они решили теперь выступить и дать бой. Ночью арабскому командиру удалось спрятать два отряда в засаде по обоим флангам поля боя. После того как основные арабские силы схватились с греками, эти фланговые отряды выскочили из засады, прорвали византийский строй, и «великое множество было заколото и зарублено торжествующими мусульманами» ⁴¹.

Затем, желая выманить из-за стен и втянуть в открытый бой другие византийские гарнизоны, мусульмане ворвались в незащищенный город Никиу и вырезали его обитателей, а затем сделали то же самое с немалым числом сел и деревень в округе ⁴². К этому времени большая часть оставшихся византийских гарнизонов, «сохраняя боевой порядок, удалилась под защиту стен Александрии» ⁴³. Арабы последовали за ними, попытались взять город штурмом, и зря — они потерпели очень тяжелое поражение. Удалившись от стен города на расстояние, недостижимое для стрел и снарядов катапульт, арабы разбили лагерь.

Далее должна была последовать безнадежная осада: ведь Александрия была портовым городом, и византийский флот, полностью контролировавший море, мог с легкостью снабжать город продовольствием так долго, как только потребуется. Будучи вторым по величине городом во всем христианском мире ⁴⁴, Александрия «была окружена массивными стенами и башнями, против которых показали полную неэффективность все снаряды арабов... Такой город можно было осаждать годами» ⁴⁵. Однако по причинам, которых нам узнать не суждено, в 641 году Кир, новый правитель Египта, всего месяц назад прибывший сюда морем, вышел из города на переговоры с мусульманским командующим и сдал ему Александрию и весь Египет.

Но это был еще не конец. Четыре года спустя в Александрийской гавани внезапно появился византийский флот в триста судов; на берег высадилась значительная армия и быстро

³⁸ Gil, 1992, 61–64.

³⁹ Gil, 1992, 54.

⁴⁰ Gil, 1992, 70.

⁴¹ Glubb [1963], 1995, 230.

⁴² Glubb [1963], 1995, 238.

⁴³ Glubb [1963], 1995, 240.

⁴⁴ Второй по величине после Константинополя (Chandler, 1987).

⁴⁵ Glubb [1963], 1995, 241.

выбила из города мусульманский гарнизон в тысячу человек. Снова греки заняли неуязвимую позицию за мощными городскими стенами; однако их командир, человек надменный и неумный, вывел армию из города, чтобы встретиться с арабами в бою, и потерпел поражение. И даже после этого в город сумело вернуться немалое число византийцев, достаточное для того, чтобы успешно его оборонять – но тут помешало предательство одного офицера, открывшего ворота арабам. По одним сообщениям, его подкупили; по другим, это был христианин-копт, желавший поквитаться с греками за то, что они преследовали его единоверцев. Так или иначе, ворвавшись в город, мусульмане занялись «резней, грабежами и поджогами... [пока не] уничтожили полгорода»⁴⁶. Кроме того, они срыли городские стены, чтобы избежать повторения этой истории.

Необходимость брать Александрию дважды заставила мусульман задуматься о том, как нейтрализовать силы Византии на море. Египетские корабельные верфи работали по-прежнему, и мусульмане заказали там строительство кораблей, а в качестве моряков завербовали коптских и греческих наемников. Уже в 649 году с помощью этого нового флота они захватили Кипр; за ним последовали Сицилия и Родос. Теперь могучая мусульманская империя владела большей частью Ближнего Востока и готова была распространяться по североафриканскому побережью.

Но тут мусульманские завоевания были остановлены жестокой междоусобной войной, разразившейся внутри исламского мира и продлившейся много лет. Спор разгорелся из-за того, кто же является истинным преемником Мухаммеда: кузен и зять Мухаммеда Али воевал против Муавии, двоюродного брата убитого халифа Усмана. После обильного кровопролития Али был убит, и халифом стал Муавия, но в результате ислам оказался навсегда разделен на суннитов и шиитов (поддержавших Али). Лишь в 670 году мусульманская армия продолжила свое продвижение по берегам Северной Африки.

Северная Африка

Весь северный берег Африки, как и Египет, находился под византийским правлением. Поскольку все крупные города здесь были портовыми и имели гарнизоны, арабский командующий прошел мимо городов на запад, в пустыню, устроил здесь сухопутную базу и воздвиг большую мечеть; в дальнейшем на этом месте вырос город Кайруан, сейчас третий по святости мусульманский город (после Мекки и Медины)⁴⁷. Опираясь на эту базу в Магрибе (так арабы называли Северную Африку), мусульмане сперва начали войну с берберами, обитателями пустыни, многие из которых уже давно обратились в иудаизм⁴⁸. Несмотря на отчаянное сопротивление, особенно со стороны обитателей Атласских гор, возглавляемых харизматичной иудейкой по имени Кахина, мусульмане в конце концов взяли верх, а затем сумели превратить берберов из врагов в союзников⁴⁹. Тем временем новая мусульманская армия, предположительно числом в сорок тысяч человек обрушилась на прибрежные города и в 698 году взяла Карфаген. Однако, как и в случае с Александрией, греки сумели высадить войска в карфагенской гавани и отбить город обратно. В ответ мусульмане собрали флот и еще одну армию, включавшую значительное число берберов, и в 705 году Карфаген был «стерт с лица земли, а большинство его обитателей убиты»⁵⁰. Теперь, когда у мусульман появился многочисленный и надежный флот, судьба прочих прибрежных византийских городов была предreshена⁵¹.

⁴⁶ Glubb [1963], 1995, 284.

⁴⁷ Abun-Nasr, 1971.

⁴⁸ Brent and Fentress, 1996.

⁴⁹ Brent and Fentress, 1996.

⁵⁰ Ye'or, 1996, 48.

Испания

В 711 году армия численностью от семи до десяти тысяч мусульман из Марокко пересекла Средиземное море в самой узкой западной точке и высадилась на испанском берегу, у подножия горы, нависающей над морем. Позднее эта гора была названа именем мусульманского командира, бербера Тарика ибн-Зийяда – Скала Тарика, то есть Джабаль-Тарик, или Гибралтар⁵². Высадка мусульман застала испанцев врасплох. Король Родерих спешно собрал армию и двинулся из столицы – Толедо – на юг, однако был разбит в битве при реке Гвадалете; сам Родерих утонул, убегая от резни. Так в первый раз мусульмане встретились с христианами-невизантийцами: сейчас перед ними были вестготы, захватившие римскую Испанию около 500 года. Как обычно, числа, которые приводят современники, совершенно бесполезны. Гиббон, опираясь на эти цифры, приписал Родериху армию в сто тысяч человек и уверял, что мусульмане, хоть и победили, потеряли в бою шестнадцать тысяч. Скорее всего, в армии Родериха и десяти тысяч человек не было. Несомненно, что Родерих проиграл бой, и Тарик отослал то, что счел его головой, в соляном растворе халифу в Дамаск⁵³.

Затем последовала семилетняя кампания, в которой мусульмане поставили под свой контроль весь Аль-Андалус (так они называли Испанию), кроме небольшого района на севере, откуда не удалось выбить христиан. Об этой кампании по завоеванию Испании неизвестно почти ничего, кроме того, что народ не сопротивлялся мусульманам, поскольку коррумпированный и скорее жестокий вестготский режим вызывал всеобщую ненависть у местного населения. То же население называло мусульманских завоевателей маврами, то есть народом из Марокко, и это название прижилось. Свою столицу мавры учредили в городе Кордова – и тут же возвели там, на месте бывшего христианского собора, огромную мечеть. Поначалу Аль-Андалус был частью мусульманской империи, но в 756 году стал независимым эмиратом.

Сицилия и Южная Италия

Первое мусульманское вторжение на Сицилию состоялось в 652 году и окончилось неудачей. За ним последовали неудачные нападения в 667 и 720 годах. Последующие попытки были отложены из-за междоусобных войн в Северной Африке, в которые оказались вовлечены как берберы, так и арабы. Мусульмане явились снова в 827 году и высадили на берег десятитысячное войско. Местное византийское командование отбивалось отчаянно, и для окончательной победы мусульманам потребовалось более семидесяти лет, «множество битв и бесчисленные убийства»⁵⁴. Так, хотя Палермо пал после долгой осады в 831 году, Сиракузы не сдавались вплоть до 878-го, а Таормина, последняя византийская крепость на острове, держалась до 902 года.

Едва укрепившись на Сицилии, мусульмане переправились оттуда в Южную Италию: в 840 году они взяли Таранто и Бари, разрушили Капую и заняли Беневенто. В 843, а затем еще раз в 846 году они являлись в Рим: все знаменитые церкви города были разграблены, папы принуждены платить огромную дань. Вернувшись на юг, мусульманские командиры разделили Южную Италию на несколько независимых эмиратов.

Оккупация Сицилии и Южной Италии длилась более двух столетий.

⁵¹ Becker, 1926a, 370.

⁵² Fregosi, 1998, 94

⁵³ Fregosi, 1998, 96.

⁵⁴ Fregosi, 1998, 132.

Крупные острова

О захвате мусульманами крупных средиземноморских островов почти не пишут: быть может, историки считают эти события слишком незначительными. Однако владение такими островами, как Крит или Сардиния, имело важное стратегическое значение для мусульманского флота. Следовательно, падение Кипра (653), Родоса (672), Сардинии (809), Майорки (818), Крита (824) и Мальты (835) стало для Запада серьезной потерей.

Война по-мусульмански

Как удалось арабам так быстро и, по-видимому, легко восторжествовать над своими противниками? Многие историки, незнакомые с искусством войны, считают это необъяснимым. Они спрашивают: как удалось горстке варваров из пустыни победить большие, хорошо обученные армии «цивилизованных» империй?

Как мы уже отмечали, многие приписывают победы мусульман их огромному численному превосходству: якобы орды арабов, явившись из пустыни, смяли и растоптали меньшие по численности византийские и персидские войска. Но пустыни никогда не отличались многолюдностью; и на самом деле мусульманские силы, как правило, были меньше тех «цивилизованных» армий, которым наносили поражения. Отсюда многие историки переходят к следующему объяснению: мусульмане побеждали, поскольку «византийцы не смогли верно оценить новую силу, которую придал арабским войскам мусульманский религиозный пыл»⁵⁵. При этих словах перед глазами у нас встают толпы фанатиков, нападающие на врагов с криком: «Смерть неверным!». Наконец некоторые историки винят в поражениях излишнюю цивилизованность византийцев и персов в сравнении с бесстрашием исламских дикарей. В сущности, такое объяснение предлагал уже знаменитый исламский мыслитель Ибн Хальдун (1332–1406), писавший: «Следует знать, что... дикие народы, без сомнения, храбрее прочих»⁵⁶.

На самом деле мусульманские воины не менее византийцев или персов готовы были обращаться к противнику тыл и бежать, если удача на поле боя им изменяла. Их победы легко понять на основе обычных военных приемов и технологий.

Первое, что необходимо осознать: более «цивилизованные» империи не обладали каким-то выдающимся вооружением, за исключением осадных машин, от которых нет толку при отражении нападений. Все в тогдашнем мире сражались мечами, копьями, топорами и луками; все носили щиты, те, кто мог себе это позволить – еще и какие-то доспехи (хотя в «цивилизованных» армиях доспехи встречались чаще)⁵⁷. Однако в это время в имперских силах Византии и Персии служили уже не прежние «воины-граждане», дисциплинированные и преданные своей стране. Солдат набирали отовсюду, откуда могли; в основном это были «чужеземцы», служившие главным образом за плату, что налагало ограничения и на их верность, и на их храбрость. Мы уже упоминали, что значительную часть рядового состава и в византийской, в персидской армии составляли арабы, и многие из них во время войн переходили на сторону мусульман.

Нельзя сказать, что «профессиональные» армии Персии и Византии были лучше обучены. Напротив, по большей части это были «гарнизонные солдаты», используемые прежде всего для стационарной обороны укрепленных пунктов, таких как окруженные стенами крепости или города: к маневренному бою эти войска были малопригодны⁵⁸. Хуже того: постоянный недостаток военной силы приводил к невозможности поддерживать сеть гарнизонов, достаточно густую, чтобы помешать противнику нападать неожиданно. Ни у персов, ни у византийцев не было и конницы в достаточном количестве, чтобы возместить этот недостаток плотности быстрой и скрытной разведкой; к тому же, как мы уже отмечали, кавалерийские отряды состояли в основном из арабов, склонных в критический момент дезертировать. Более того, в отличие от персидских и греческих солдат, набранных в основном из крестьян, пустынные арабы с малых лет предавались воинскому искусству; в бой они ходили, разбившись на племена, плечом к плечу, рядом с каждым сражались его родичи и давние друзья – в таком положении каж-

⁵⁵ Jamison, 2006, 16.

⁵⁶ Цит. в Jandora, 1990, 105.

⁵⁷ Kennedy, 2001, гл. 7.

⁵⁸ Kaegi, 1992.

дый находился под сильнейшим социальным давлением, заставлявшим его быть отважным и воинственным.

Возможно, самым важным преимуществом мусульманских захватчиков стало то, что все они ездили на верблюдах: даже кавалерия передвигалась с места на место на верблюдах, ведя коней в поводу. Использование верблюдов превращало арабов в своего рода «механизированные части», намного более быстрые, чем византийские и персидские войска, передвигавшиеся пешком⁵⁹. Такая повышенная мобильность позволяла арабам быстро находить и атаковать слабозащищенные места, избегая прямых столкновений с основными персидскими и византийскими силами, пока те не будут достаточно ослаблены. К тому же «единственное средство передвижения по пустыне – верблюд, а на этот род транспорта у арабов была монополия. Ни византийская, ни персидская армии не могли пересечь пустыню»⁶⁰. Таким образом, учитывая географию этих мест, мусульмане всегда могли обойти имперские силы какими-нибудь пустынными тропами, а при необходимости и вовсе скрыться в пустыне и избежать битвы. Такая способность давала арабам огромное преимущество не только на Ближнем Востоке: неопределима оказалась она и при завоевании Северной Африки. Как Эрвин Роммель, немецкий «лис пустыни», часто отправлял свои танки через пустыню и таким образом огибал британские силы, пытавшиеся не дать ему вторгнуться в Египет – так же и арабы использовали верблюдов, чтобы обойти византийские войска, обороняющие прибрежные поселения.

В противоположность обычному мнению, серьезное преимущество арабов составлял небольшой размер их боевых частей; в одной армии редко собиралось более десяти тысяч человек, а чаще всего арабы обходились силами от двух до четырех тысяч⁶¹. Их успехи против имперских армий, значительно превосходящих их числом, объяснялись так же, как любой успех быстрого, энергичного, маневренного агрессора против огромного, неповоротливого противника: вспомним, как часто в древней истории маленькие греческие армии разбивали в пух и прах огромные силы персов. По иронии судьбы, именно благодаря небольшой численности силам арабских захватчиков часто удавалось превзойти противников числом в конкретном бою: благодаря высокой мобильности они нападали на отдельные части противника и успевали разбить их до того, как подойдет подкрепление. Имперские силы, пытаясь за ними поспеть, либо выматывали себя бесконечными переходами, либо растягивались, стремясь оборонять все разом, и становились уязвимы. Это была не только тактическая проблема, с которой столкнулась византийская армия в этом случае, но и проблема стратегическая: византийские силы были «размазаны» по огромной имперской территории. В результате, когда арабы концентрировали все силы для атаки, например, на Сирию или на Египет, десятки тысяч греческих воинов скучали вдали от поля битвы, где-нибудь в гарнизонах Южной Италии или Армении⁶².

Несомненно, у арабов были отличные командиры. Не племенные вожди, а офицеры, избранные из «новой исламской правящей элиты оседлых жителей Мекки, Медины или аль-Таифа»⁶³. Все средние и высшие чины набирались из элиты: это были люди, прекрасно понимавшие принципы управления, в том числе принцип «командной вертикали», и способные одновременно с тактическими задачами держать в уме общие стратегические цели. Наконец, назначение и продвижение офицеров в этих ранних мусульманских армиях осуществлялось в первую очередь благодаря заслугам, в то время как в византийской и персидской армиях командные посты нередко занимали некомпетентные люди, получившие должность благодаря происхождению.

⁵⁹ Kennedy, 2001; Nicolle, 1993.

⁶⁰ Glubb [1963], 1995, 25.

⁶¹ Donner, 1981; Glubb [1963], 1995; Kennedy, 2001.

⁶² Kaegi, 1992, 39–40.

⁶³ Donner, 1981, 225.

Управление

Поначалу завоеванные страны считались провинциями мусульманского государства и управлялись наместниками, которых назначал халиф. Со временем центральный контроль ослаб и, как мы уже упоминали, многие провинции сделались независимыми мусульманскими государствами, «чьи правители, как правило, считали халифа имамом или исламским главой, однако не признавали за ним светской власти в своих владениях»⁶⁴. Поэтому, когда Запад начал ответные атаки, сопротивление ему ограничивалось силами, находящимися в распоряжении того или иного конкретного властителя; другие мусульманские государства, как правило, не слали ему подмогу.

Поначалу арабы-завоеватели составляли небольшую элиту на территориях, населенных немусульманами, большинство из которых, как мы увидим далее, оставались необращенными в течение столетий. Правящие мусульманские элиты по распоряжению халифа размещались в их собственных городах-крепостях. «Это позволяло им удерживать военный контроль и препятствовало ассимиляции и потере религиозной и культурной идентичности»⁶⁵. Разумеется, это была палка о двух концах: самоизоляция мусульман мешала обращать в ислам местных жителей. Отношения с подданными в сущности ограничивались запретом на некоторые действия, например, на строительство церквей или верховую езду и на сбор значительных налогов, которые всегда должны были платить немусульмане.

⁶⁴ Saunders, 1962, 29.

⁶⁵ Kennedy, 2001, 7.

Покоренные страны

Невероятные горы чепухи написаны о толерантности мусульман: якобы, не в пример христианам, безжалостным к евреям и еретикам, ислам демонстрировал примечательную терпимость к покоренным народам, относился к ним с уважением и позволял беспрепятственно исповедовать свою веру. Началось это, видимо, с Вольтера, Гиббона и других авторов XVIII века, стремившихся изобразить Католическую Церковь в как можно более черных красках. Но правда о жизни под властью мусульман звучит совсем иначе.

Верно, что Коран запрещает насильственное обращение в ислам. Однако это правило не раз обращалось в пустую юридическую уловку: подданные «свободно избирали ислам», когда альтернативой была смерть или рабство. Именно такой выбор обычно предоставляли язычникам; иудеи и христиане зачастую сталкивались либо с такими же, либо с чуть более мягкими условиями ⁶⁶. В принципе, как «люди Книги» иудеи и христиане должны были бы встречать со стороны мусульман терпимость и дозволение спокойно исповедовать свою веру. Однако и им предписывались серьезные стеснения: любого мусульманина, обратившегося в другую веру, ждала (да и сейчас ждет) казнь. Запрещалось строить новые церкви и синагоги. Иудеям и христианам не позволялось молиться или читать свои священные писания вслух – даже в собственных домах, церквях или синагогах – там, где их могли случайно услышать мусульмане. Кроме того, как отмечает видный историк ислама Маршалл Дж. С. Ходжсон (1922–1968), с очень ранних времен исламские власти начали применять широкий спектр унижений и наказаний к дхимми – иудеям и христианам, отказывающимся обращаться в ислам. Официальная политика заключалась в том, что дхимми должны «чувствовать себя низшими и... знать свое место... [согласно мусульманским законам] христиане и иудеи, например, не имели права ездить верхом на лошадях, а только, в лучшем случае, на мулах, а находясь среди мусульман, обязаны были носить на одежде определенные отличительные знаки своей религии» ⁶⁷. В некоторых местах немусульманам запрещалось носить одежду, схожую с мусульманской, и оружие ⁶⁸. К тому же с немусульман взимались серьезные дополнительные налоги ⁶⁹.

Такова была норма жизни для иудейских и христианских подданных мусульманских государств; однако часто дела обстояли намного хуже. В 705 году мусульманские завоеватели Армении согнали всю местную христианскую знать в церковь и там сожгли ⁷⁰. Подобных случаев известно множество, в дополнение к тем массовым убийствам христиан, о которых мы уже упоминали, говоря об истории мусульманских завоеваний. Первая резня евреев мусульманами состоялась в Медине, когда Мухаммед приказал обезглавить всех взрослых мужчин-евреев (около семисот человек), сперва заставив их выкопать себе могилы ⁷¹. К несчастью, со временем массовые убийства христиан и евреев происходили все чаще. Например, в XI веке известно множество случаев массовых убийств евреев: всего в Марокко в 1032–1033 годах погибло около шести тысяч и по крайней мере столько же – во время двух вспышек насилия в Гранаде ⁷². А в 1570 году мусульманские завоеватели вырезали десятки тысяч мирных христиан на Кипре ⁷³.

⁶⁶ Hodgson, 1974, том 1.

⁶⁷ Hodgson, 1974, 1:268.

⁶⁸ Payne [1959], 1995, 105.

⁶⁹ Hodgson, 1974; Payne [1959], 1995.

⁷⁰ Ter-Ghevondian, 1983.

⁷¹ Stark, 2007, гл. 8.

⁷² Stark, 2001, 133.

⁷³ Capponi, 2006.

Я не хочу сказать, что мусульмане отличались повышенной жестокостью и нетерпимостью в сравнении с христианами или иудеями: нет, жестокими и нетерпимыми были тогдашние времена. Но речь о том, что попытки изобразить средневековых мусульман просвещенными сторонниками мультикультурализма по меньшей мере невежественны.

Обращение в ислам

Много-много лет прошло, прежде чем покоренные территории сделались мусульманскими не только по названию. Правда в том, что в завоеванных странах очень немногочисленная мусульманская элита правила немусульманским (в основном христианским) населением. Это противоречит широко распространенному мнению, что за исламскими завоеваниями вскоре следовали массовые обращения в ислам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.